

СТАТЬИ

ЭО, 2009 г., № 4

© **И. В. Власова**

О ТЕРМИНАХ ДЛЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ

Ключевые слова: этнос, этничность, этнические категории, идентичность, виды самосознания, классификационные критерии

В письме нашего коллеги из Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН К.К. Логинова в редакцию журнала "Этнографическое обозрение"¹, поставлен вопрос о терминах, обозначающих различные категории в существующих классификациях этнических сообществ. Терминологическое разнообразие этих классификаций подчас не только не проясняет сути вопроса, но и весьма затрудняет выявление конкретных подразделений среди того или иного народа. Это происходит потому, что принятые исследователями критерии отбора (признаки/параметры) для определения разных типов общностей не всегда четко сформулированы. Иногда одни и те же критерии могут применяться для определения тех или иных типов сообществ, так что бывает трудно уяснить, к какой категории следует относить какую-либо группу.

В настоящей статье мы вслед за К.К. Логиновым попытаемся еще раз обратить внимание на подобные проблемы. Здесь не ставится задача их теоретической проработки, но будет проиллюстрировано практическое применение классификационных параметров при выделении тех или иных подразделений народа исследователями этнографии русских. Кроме того, подчеркивается, что для точных определений такого рода следует проводить глубокие и всесторонние обследования населения, которые могут пролить свет на происхождение и этнокультурное развитие отдельных групп вплоть до современного их состояния.

В энциклопедиях, словарях, а также монографиях и статьях исследователей приводятся термины: "этнографические", "субэтнические", "этнические", "историко-этнографические", "локальные", "этнолокальные", "большие и малые субэтнические", "этносоциальные", "территориальные", "этноконфессиональные", "особые группы и подгруппы" и др. Во многих определениях используются различные комбинации подчас одинаковых признаков, характеризующих, однако, разные группы или общности. В определениях же конкретных сообществ (таких, например, как казаки или поморы) применяются не те признаки, которые были названы основными для них. В результате конкретные группы народов по выделяемым авторами признакам попадают не в одну, а в две или в три категории. К примеру, русские *казаки* и севернорусские *поморы* трактуются то как "этнографические группы" (к тому же и "территориальные"), то как "субэтнические" (и тоже "территориальные"). Во втором случае главным признаком считается самосознание, а остальным не придается значения (*Козлов* 1994; *Шмелева* 1994; *Этнос*, нация 1996). Вместе с тем у тех и у других наряду с самосознанием могли сохраняться культурные и речевые особенности. В последнем по времени издании из использованных в этой статье словарях термин "этнографическая группа" не считается строго научным,

---

Ирина Владимировна Власова – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

хотя к этой категории автором соответствующих статей отнесены поморы, казаки, многочисленные южнорусские группы (*горюны, полехи, саяны, мещера*), старообрядческое население (*кержаки, бухтарминцы, поляки, семейские*), сибирские потомки русских казаков и аборигенов (*якутяне, русско-устыинцы, марковцы*) и другие локальные группировки. Здесь же признается, что по ряду признаков эти группы могут быть определены как "этнические" или как "территориальные" общности (*Куропятник* 1999).

Еще в 1980-е годы Ю.В. Бромлей, разрабатывая свою теорию этноса и давая определение этноса и этничности, указал на неоднозначность последнего понятия. В англоязычной литературе оно выступает то как характер или качество "этнической группы" (по-русски это ближе к "народности"), то как этническая единица ("этническая группа"). Это происходит в результате произвольного подбора признаков для определяемого понятия, в силу чего одним и тем же названием начинают обозначаться не всегда идентичные понятия (*Бромлей* 1983: 11, 16–18, 22).

Теория этноса разрабатывалась многими поколениями ученых – отечественных и зарубежных; возникло множество школ и направлений. Тут мы рассматриваем лишь мнения тех, кто обращался к этнической терминологии.

В последнее время теория этноса подверглась критике В.А. Тишковым, который попытался заменить "органическое видение этноса", обладающего "пополняющимися во времени признаками", на понимание этнической общности (группы), члены которой объединены *представлениями* об этих признаках. Так, по его мнению, признаком такой общности является не "общее происхождение", а представление (мифы) об исторической судьбе ее членов (*Тишков* 1997: 7, 12). Кульминационная точка его разработок – понимание этноса в смысле этнической общности как группы, члены которой имеют общее название и элементы культуры, обладают мифом об общем происхождении и общей исторической памятью, ассоциируют себя с особой территорией и обладают чувством солидарности (*Он же* 2003: 60, 116). Из этого следует, что такой коллектив – воображаемый, социальный конструкт, а не исторический субъект, и представляет собой "социальные отношения власти и знания" (Там же: 152). Подобное определение этничности близко к определению Ф. Барта (*Barth* 1969: 14–19), в понимании которого этничность является "формой социальной организации культурных различий" (ср. также: *Тишков* 1997: 6; *Малахов* 2003: 536–537). Но это совсем не означает, что за термином "этнос" ("этническая общность") не стоит реальность, а значит, исполнять "реквием по этносу", вернее, по теории этноса, рано.

Разнообразная терминология обнаружилась, как отмечал И.Ю. Заринов, в результате этнографического изучения социумов различного таксономического уровня (2002: 12, 13), которые нужно было как-то обозначать. Этнос, этничность, этнические общности – это "данность", не зависящая от исследователя, но выявляются они исследователем.

В ходе дискуссий рождались предложения, по каким критериям определять те или иные сообщества. Так, В.С. Бузин отмечал, что в этнографии принято, следуя теории этноса Ю.В. Бромлея, выделять два типа групп с этнокультурной спецификой – "этнографические группы" (крупные подразделения, не имеющие общего самосознания, однако обладающие этнографической спецификой) и "субэтноссы" (более мелкие группы с самосознанием и самоназванием) (*Бузин* 2007: 72). В целом это определение совпадает с предложенными и в энциклопедии "Народы России" (1994), и в этнологическом словаре "Этнос, нация, общество" (1996), а также частично с определением в словаре-справочнике "Нации и этносы в современном мире" (1999).

Т.А. Бернштам также касалась данного вопроса и предложила для всех категорий ввести понятие "этнолокальные группы", к которым следует причислять как субэтнические общности (с самосознанием), так и любые территориальные группы, не обладающие самосознанием. Ранее, в 1978 г., она высказывала почти аналогичную мысль:

"этнолокальные группы" – это субэтнические группы наименьшей таксономической величины с минимальным набором признаков этничности (*Бернштам* 1995: 3–12; 1978: 59, 77, 78). Что подразумевается под иными признаками, как и их "минимальным набором" у этнолокальных групп, исследовательница не прояснила.

Автор письма в "Этнографическое обозрение" К.К. Логинов также пытался упорядочить наименования этнических категорий применительно к отдельным группам севернорусского населения, сначала предложив для обозначения малых субэтносов название "локальные группы", потом остановившись на термине – "этнолокальные группы" (*Логинов* 1986: 91–95; 1993: 131–140; 2007: 257). Участники этнографической секции "Мавродинских чтений 2008" в Санкт-Петербурге, как сообщает К.К. Логинов, в ходе серьезной дискуссии по этой проблеме приняли приемлемое для них решение, но "безупречное определение понятий этничности" (в частности "этнолокальных групп") не дали. Рассмотрение различных сообществ велось ими в основном на материале по севернорусскому населению. Такие крупные подразделения русских, как *поморы* (так и русские *казаки*), они называют "субэтносами", имеющими достаточно большую численность и выраженное этническое сознание. Им присуще, как любому крупному сообществу, деление на подгруппы: у поморов – *губяне, терчане* и др.; сюда можно причислить и выделившихся из их среды *усть-цильмов* и *пустозёров*. Иные, более мелкие образования, как *заонежане, сицкари*, правильнее, по их мнению, считать "локальными группами". Но среди них могут обнаружиться небольшие группы, имеющие самоназвание (признак самосознания), которые по другим признакам оказываются все же ближе к "локальным группам", например, *сюземцы, даниловцы*. Здесь можно отметить еще один нюанс. И *сюземцы*, и *даниловцы* – старообрядцы, что является частью их сознания. Отсюда напрашивается вывод о необходимости выяснения, в каких случаях подобные группы следует считать конфессиональными, а в каких – этнолокальными. К таким же рассматриваемым на "Чтениях" локальным группам можно отнести и известных на Севере *кокишаров* (в Важском бассейне по р. Кокшеньге), обладающих как местной спецификой и, кстати, тоже с самоназванием, так и исповедующих в ряде мест своего расселения старообрядческую веру (*Власова* 2001а: 20; 2001б: 125–126).

Участники "Чтений" рассмотрели и случай, когда та или иная группа идентифицирует себя в качестве "административно-локальной" (*кенозеры, почезерцы, вершинцы* в бывшем Каргопольском у. Архангельской губ.). Поскольку это их самоназвания (прозвища), то некоторые исследователи ошибочно причисляли их к "субэтносам"², не беря во внимание другие характеризующие их критерии, в особенности те, кем они себя ощущают и кем воспринимает их окружающее население.

Наконец, участники "Чтений" предложили считать признаками "этнолокальных групп": 1) субэтничность, выраженную в собственном самосознании и самоназвании (главным образом с притяжением к географическому объекту); 2) осознание границ своей локальной территории; 3) наличие собственного говора; 4) наличие черт этнолокальной специфики в традиционной культуре.

Этот перечень основных признаков этнолокальной группы может быть скорректирован для определенных ситуаций и определенных сообществ. Например, у *водлозерцев*, выделенных К.К. Логиновым как "этнолокальная группа", наряду с перечисленными выше четырьмя признаками, есть своя специфика, отличная от остальных: особенность музыкального исполнения народных песен (*Логинов* 2007: 257). А *кокишары* не могут быть отнесены к "субэтносам", хотя и обладают самоназванием, поскольку у них нет особого самосознания, кроме того, что их родословная идет от новгородцев, от Марфы Посадницы. Правда, они, как и субэтнические группы, разделились на более мелкие образования: из них выделились *илежане* (от местонахождения по р. Илезе), *руфичи* (от прозвища некоего Руфа) (*Власова* 2001б: 126). Значит, этот последний признак (разделение) не должен расцениваться как ключевой для "субэтносов". Само-

название кокшаров не является этническим, хотя и может выполнять функции этнонима; оно – территориальное (локальное), возникшее от названия места, где они расселены (по гидрониму – р. Кокшеньге). Но будучи сознанием локальной группы, оно, тем не менее, у них достаточно сильное, сохраняющееся не одно столетие. Аналогичное явление относительно самосознания у этнических групп отмечает и И.Ю. Заринов, анализирувавший материалы по другим народам (2002: 13). Приведенный пример о кокшарах свидетельствует о том, насколько тщательно необходимо подходить к изучению разных сообществ, учитывая не только их культурные, речевые признаки, но и факт народного сознания в том или ином его виде.

Автор присланного в "Этнографическое обозрение" письма констатирует: назрела пора пересмотреть все взгляды для устранения терминологической путаницы и дать четкие определения этнических понятий. На наш взгляд, ныне это сделать не просто, поскольку в последнее время не появилось существенных разработок по данной проблеме, а проводимых исследований различных сообществ как в прошлом, так и в настоящем остается крайне мало³.

Из-за отсутствия новых теоретических разработок исследователи по русской этнографии предпочитают пользоваться обобщающим понятием – "этнографические группы" – для всякого рода подразделений русского этноса, ибо все этнотермины появились в результате изучения этнографами разных сообществ. Конечно, подобное понимание не совсем точное, потому что в различных концепциях уже определен тот или иной набор критериев для обозначения этнических понятий. Но и последние, как уже отмечалось, тоже не безупречны и не содержат четких разграничений для применения какого-либо термина. По пути рассмотрения историко-культурных зон (ареалов) на территории России, а в них наличия "этнографических групп", пошли авторы соответствующих разделов в изданиях последних двух десятилетий – М.Н. Шмелева (1994), Л.Н. Чижикова (1988), И.В. Власова (1997; 2001; 2004; 2005; 2006; 2008).

Можно еще более упростить понятия, обозначающие категории этносов: скажем, принять одно из названий – группа, сообщество, общность, подразделение и т.п., а далее обязательно указать, на какой основе формировался тот или иной тип общности. Что касается таких групп у русских, то одни из них ("территориальные") сложились под влиянием природно-климатических и зонально-географических факторов, обусловивших их хозяйственную деятельность и быт, другие ("сословные") – при особенностях социально-экономического развития отдельных районов, третьи ("конфессиональные") имели отличие от иных вероисповедание; наконец, "этнотерриториальные группы" были вовлечены в те или иные этнические процессы и контакты с разными народами. В отношении конфессиональных групп русских можно заметить, что, как правило, имелись в виду старообрядцы. Но они принадлежат к той же самой конфессии, что и приверженцы официального православия. Их отличали лишь вероисповедальная практика (для старообрядцев – "древлеправославное" вероисповедание) и богослужбная литература. Все группы сформировались в результате адаптации к разным условиям и среде; у них появились особенности в территориальном, этническом, конфессиональном, сословном отношениях, что было связано со сложной этнической историей русских, обусловившей образование в едином русском массиве с общностью самосознания языковых, культурных, антропологических (физических) различий.

Приведем примеры такого рассмотрения отдельных групп русского народа. В Европейской России выделяются севернорусская и южнорусская зоны и средняя полоса между ними. В севернорусской историко-культурной зоне сложилась территориальная группа *поморов* по Беломорскому и Баренцеву побережьям – потомков новгородцев и частично ростово-суздальских выходцев; у них было специфическое хозяйство, основанное на рыболовном и зверобойном промыслах, судоходстве, мореходстве и торговле. Из них выделились *усть-цилёмьы* и *пустозёры* – потомки новгородцев с

примесью местных угро-финнов. В северной зоне были еще известны *сицкари* (по р. Сить в Ярославской губ.), которых по диалектным особенностям относят к обрусевшим карелам, литовцам и белорусам; *тудовляне* (по р. Туд в Тверской губ.) – с белорусским влиянием в языке и культуре. Профессионального происхождения от верхневолжских бурлаков была группа *ягутков* (*ягунов*) на востоке Новгородской и *гагаров* в Вятской губерниях, сохранявших черты бурлацкого говора. Сословной принадлежностью обусловлено существование *пушкарей* – крестьян помещиков Мусиных-Пушкиных в Весьегонском у. Тверской губ. Вероисповедальные отличия имели северные *старообрядцы* в основном беспоповского толка (*поморско-даниловское согласие, фелдосеевцы, филипповцы, бегуны* и др.) и *беглопоповцы* поповского направления раскола.

Население южнорусской историко-культурной зоны имеет более пестрый, чем в северной, этнический состав, и здесь сформировалось много мелких групп. Более других были известны *полехи* в Калужско-Брянском Полесье – потомки древнейшего населения лесной полосы, близкие по культуре к западным соседям – белорусам и частично литовцам; *горюны* в Путивльском у. Курской губ. – потомки древнего племени *северян* и переселенческих волн XVI–XVII вв., имевших культурное сходство с украинцами и белорусами. Языковыми особенностями отличались в Дмитровском у. Курской губ. *жеки* и *зекуны* (частицы *-же* и *-зе* в говорах). Свообразными в Полесье были *саяны* этнотерриториального и сословного происхождения, обладавшие белорусско-полесскими особенностями в языке и южнорусскими в быту. Речевую специфику имели орловские, воронежские и калужские *ягуны*. Потомками военно-служилого населения Курского порубежья являлись *севрюки*. Сословного происхождения в Воронежской, Тульской и Тамбовской губерниях были и *однодворцы* – потомки военно-служилых людей низшего разряда, со временем занявших промежуточное положение между крестьянами и мелкими помещиками. Потомками помещичьих и монастырских крестьян считаются воронежские, курские, орловские *цуканы* (в речи *-ц* вместо *-ч*).

В среднерусской полосе также существовали обособленные группы русских. От имен владельцев произошли самоназвания крестьян в Верейском у. Московской губ. (XVIII–XIX вв.) – *репницина, голицыницина, шувалики*, а в Калужской губ. – *гамаюницина*. Известная в левобережном Заочье *мещера* происходила от обрусевших финно-угорских групп. От тверских карелов отделилась их часть, которая переселилась в калужский Медынский у. и называлась *корелами*. Потомки пленных поляков – *ляхи* – находились во владимирском Балахнинском у. Лукояновские *паны* (Нижегородская губ.) по происхождению сближались с белорусами. Среди населения южной зоны и средней полосы были *старообрядцы* разных толков (Центр, Заволжье, Полесье) и немного сектантов – *субботников, духоборцев, молокан*.

Своеобразием отличались русские окраинных территорий. На западе по р. Великой, верховьям Днепра и Западной Двины они были близки к белорусам. У русских Приуралья соединились черты северной и среднерусской культуры. В Среднем Поволжье они сближались с иноэтничными народами. На юго-востоке от Хопра до Кубани и Терка, на территории Войска Донского, в Кубанской и Терской областях и на востоке Новороссии население по происхождению было связано с южнорусскими и украинцами. Особую этносословную группу русских представляло военно-служилое *казачество*, в состав которого в разных районах вошли, кроме русских, разные этнокомпоненты, но это не нарушило преобладания в их составе русского компонента. Такой симбиоз существовал у русских во многих регионах, а вот в составе казачьих войск были калмыки, башкиры, буряты и другие, которых никоим образом нельзя причислять к русскому казачьему населению. Наиболее известны донские, кубанские, терские, яицкие (уральские) и иные казаки в Европейской России, забайкальские, амурские, уссурийские в Сибири и на Дальнем Востоке (всего 11 казачьих войск).

Особые группы русских сложились и в Сибири. Старожильческое население (*сибиряки*) – потомки первоначальной волны заселения – сохраняло севернорусскую культуру, а вновь прибывавшие переселенцы-новоселы (*российские*) из центральных и южных губерний несли свои культурные традиции. Здесь поселились и старообрядцы – *каменьщики* Бухтармы, *поляки* Кольвани, *семейские* Забайкалья и представители других конфессий – *духоборцы*, *молокане*, *штундисты*. Среди населения северо-востока были группы метисного происхождения: *гураны* (потомки русских мужчин и тунгусских женщин), *кударинцы* (русских и буряток), *амгинцы*, *анадырцы*, *гижигинцы*, *камчадалы*, *колымчане*, которые произошли от смешения русских с якутами, эвенками, юкагирами, коряками, и, наконец, *русско-устыинцы*, долгое время остававшиеся несмешанными с другими народами.

Компактные группы русских сложились в Средней Азии и Казахстане. Одни из них – *уральцы* (потомки уральских / яицких казаков) – на Амударье и Сырдарье, другие сформировались из русских крестьян и низших воинских чинов, расселившихся в среднеазиатских районах.

Различаясь по своим локальным характеристикам, группы русских во всех регионах сохраняли единство с народом, язык, самосознание и общерусскую культуру, выработав множество ее вариантов.

Приведенные примеры краткого описания групп русских свидетельствуют о том, что необходимо конкретное рассмотрение судьбы каждой группы, так как в ходе исторического развития она могла раствориться, испытать ассимиляцию со стороны окружения или этносмешение, либо сохраниться на протяжении времени, теряя старые или приобретая новые характеризующие ее признаки; могла возникнуть новая общность, что было характерно для русских как в период их раннего продвижения по евроазиатским пространствам, так и позднего освоения территорий вплоть до начала XX в.

В этом отношении показательна судьба еще двух групп русских – *гамаюнов* и *юрлинцев*. Первые неожиданно стали заявлять о себе в последнее время на Среднем Урале (Нижне-Сергинский р-н Свердловской обл.). До сих пор были известны гамаюны в Калужской губ., где о них осталась лишь память. Это были владельческие крестьяне бояр Ромодановских. Бояре имели прозвище – *Гамаюны*, поскольку в их гербе имелось изображение этой птицы. Прозвище *гамаюница* они передали своим крестьянам (по аналогии – *репинщина* у крестьян Репниных). Самое интересное, что это название и различные его толкования широко распространены в говорах вплоть до Амура. А о своем гамаюнском происхождении помнят до сих пор гамаюны Среднего Урала⁴. Связь между ними и калужскими гамаюнами остается неясной, так как этот вопрос совершенно не изучен.

Вторая из упомянутых групп, сохраняющая русское самосознание, а самоназвание – от района, где живет, – *юрлинцы* в Северном Прикамье, в Юмо-Лопвинской округе (Юрлинский р-н Пермского края). Заселение края русскими началось с конца XVII в., более интенсивно шло в следующем столетии и происходило путем поселения на необжитых землях в соседстве с коми-пермяками. Историческое развитие Юрлинского р-на привело к сложению там населения, осознающего себя русским. Но в его формировании в разное время принимали участие различные компоненты. В дореволюционных исследованиях высказывалось мнение, что *юрлинцы* – это обрусевшие пермяки (по данным диалектологии и топонимии). Исследования же последних лет приводят к выводу, что это население всегда считало себя русским, говорило по-русски, не пользовалось языком коми и, по данным этнографии, сохраняло русскую культуру (На путях из земли... 1989: 23, 24; Власова 1984: 3–11). Причины образования этого "русского острова" среди коми специфичны. Если на Русском Севере демографический фактор – численное преобладание славянских пришельцев уже в первые века освоения ими северных земель – играл значительную роль в этнических процессах и способ-

ствовавал ассимиляции финно-угров, то в прикамском Юрлинском крае, освоение которого шло поздно двумя уже сформировавшимися этносами со своим этническим сознанием, языком и культурой, этническая история шла по-другому: ассимиляции, а следовательно и обрусения пермяков, к тому же численно превосходивших пришельцев, произойти не могло. Тесное совместное проживание в крае приводило к некоторому смешению, взаимовлияниям на все стороны жизни, появлению общих черт в культуре, чему немало способствовала и единая вера, а в данном случае все усугублялось принятием старообрядчества и русскими, и коми. Но "загадка" юрлинцев, как и гамаюнов, ждет своего окончательного решения, поскольку они недостаточно изучены.

Это еще раз свидетельствует о том, что только при детальном и четком описании можно выявить то или иное подразделение народа, не стараясь "втиснуть" его сущность в предлагаемые сейчас термины, в какую-либо классификацию этнических понятий. Путем любого набора "особых признаков" нельзя создать точное определение для таких понятий, если всесторонне не изучить подобные сообщества.

Необходимо учитывать еще очень важный момент при изучении той или иной группы – это сознание народа (самосознание), не обязательно этническое, а и другие его виды. Последние могут быть присущи рассматриваемой общности, исходя из той основы, на которой она формировалась. Под сознанием же народа и даже самосознанием понимается не только его этническое сознание, а осознание человеком, населением какого-то района, народом в целом собственного образа жизни, характера, поведения, оценка себя и своего окружения, отношение к себе и к людям, к природной и человеческой среде. Народное мировоззрение, в свою очередь, включает в себя видение мира, присущее тому или иному народу, его представление о своей роли и месте в этом мире, о ценностных установках и нравственных ориентирах. Виды народного сознания (самосознания) различны: этническое, религиозное, общественное, семейно-родственное, правовое, социальное (в русской этнографии преимущественно – крестьянское, особенно для большей части русских в прошлом) и др. Каждый из этих видов сознания состоит из множества компонентов, выявление которых создает целостную картину народного сознания (самосознания) и сознания какой-либо его группы.

Этническое сознание присуще не каждому подразделению народа, а другие виды народного сознания можно у них разглядеть (принадлежность к крестьянскому сословию, религиозной общине, семье и роду, государству). У русских принадлежность к своему народу (этническое сознание) могла выражаться в других понятиях – принадлежность к православной вере ("мы православные" вместо "мы русские"); у отдельных групп русских осознание принадлежности к своему народу могло "конкурировать" с региональной (мы – северяне, южане, уральцы, сибиряки и пр.) или локальной принадлежностью (для северян – двиняне, устюжане, каргопольцы, сольвычегодцы, белозерцы и др.). Последние виды принадлежности или совпадают в какой-то мере с территориальной принадлежностью, или являются свидетельством незавершенности этнических процессов в той или иной маргинальной общности (Козлов 1994).

Состояние знаний о подразделениях русского народа свидетельствует о множестве "белых пятен", что не позволяет давать точные характеристики этнических категорий. Но возвращение к этой проблеме крайне важно. К этому понуждает стремительная активизация этнического и других видов сознания (религиозного, территориально-общинного, правового и др.) у многих народов России. Сознание любых сообществ – этнических, религиозных (у русских – старообрядцев), этнолокальных (камчадалов), территориальных/региональных (поморов), этносословных (в прошлом – казаков) и прочих – "заговорило" в связи с новыми условиями существования народов во время "перестройки" в России и в результате геополитических, экономических и других процессов, протекающих во всем мире.

В отечественной этнографии, в частности в этнографии русских, последствием этих процессов стала публикация множества работ по этнографии отдельных краев, областей, районов, в которых начали уделять внимание изучению русских, населяющих российские просторы, выявлению их отдельных образований. Особенно много изучали старообрядческое население регионов. Последнее связано с отменой запретов на изучение вообще русского православия в его бытовом проявлении. Впрочем, некоторое сдерживание этнографических обследований касалось всех сторон жизни русских, ибо предвзято считалось, что это наиболее изученный народ России и что в его статусе, жизни, развитии все "устоялось", все понятно и обращать особое внимание на все это нет нужды. Но проблема русского народного сознания, как и "русский вопрос" в целом, остро стоящий и не решенный до сих пор, говорят об обратном. Сюда же примыкает и проблема некоторых образований русского народа, прежде всего казаков, северных поморов, отдельных групп русских в Сибири и на Дальнем Востоке. О себе они начали заявлять в 1980–1990-е годы, а при подготовке переписи населения 2002 г. настаивали на изменении статуса – признании их отдельными, самостоятельными народами.

О проявлениях казачьего самосознания, развитии этой группы русских имеется много исследований; опубликованы исторические и иные документы об их жизни и деятельности, роли и месте в формировании и развитии российской государственности, о современном их состоянии; определено их положение среди народов России, в частности, среди русских – как крупная по численности часть народа этносословного происхождения, с ярко выраженным самосознанием⁵.

Решение же "поморского" вопроса затянулось на многие годы. Созданная в 1996 г. общественная организация Национально-культурная автономия поморов Архангельской области взяла на себя обязанность официально представлять интересы "поморского этноса". Эту идею автономия упорно проводит по сей день, обращаясь в Министерство регионального развития РФ и другие ведомства с целью добиться признания для поморов статуса малочисленного народа и титульного этноса Архангельской обл., получения соответствующего финансирования для их "социально-экономического и этнокультурного развития". При подготовке переписи населения 2002 г. в перечне национальностей поморы определены как часть русских (как и казаки). Вопреки этому руководители поморского движения продолжают требовать включения поморов в "Единый перечень коренных малочисленных народов РФ". Представление же о происхождении и развитии поморов у них весьма туманное. Используемая ими для своих аргументов экспертиза архангельских ученых и их исследования (в частности, изданная ими книга "Поморская говоря. Краткий словарь поморского языка". Архангельск, 2005), публикации в местной прессе грешат вольным толкованием истории поморов и этнологической теории. В ответах Министерства регионального развития на их запросы, в справках экспертов (в частности из Института этнологии и антропологии РАН и Музея антропологии и этнографии (Кунсткамеры) РАН и др.) отражена принятая в современной этнологии точка зрения на происхождение поморов и места этой историко-культурной традиции в истории России, на основании чего было дано заключение о нецелесообразности наделения их статусом малочисленного народа.

Специалистам по истории и этнографии русских известно, что поморы до сих пор остаются наиболее крупной территориальной группой севернорусского населения и занимают берега Баренцова и Белого (от Онеги до Кеми) морей. Как потомки древних новгородцев и частично ростово-суздальцев, заселявших Поморье в XII–XIII вв., они составили своеобразную группу среди русских северян. Их физический тип тот же, что и у остальных русских северных территорий, которые в древнее время стали зоной влияния Новгорода Великого. В диалектологическом отношении их говор принадлежит к поморской (архангельской) группе севернорусских говоров, к которой принадлежит и язык русских восточной части Карельского п-ова, жителей Онеги, Се-

верной Двины, Мезени и Печоры. В этнографическом (культурном) отношении поморы отличаются от остального севернорусского населения лишь одним признаком, что и закрепило за ними понятие жителей морских побережий ("поморы" – от "по морю"): в природных условиях северных морских побережий они выработали своеобразный хозяйственно-культурный тип промыслового приморского хозяйства, занимаясь рыболовством, охотой на морского зверя, мореходством, а в раннее время и предпринимательством. Отличаясь от северных русских своим хозяйственным типом, они едины с ними по всей остальной народной культуре, имеющей здесь, как и на всем Севере, свои локальные особенности. В частности, народный календарь поморов един с традиционным календарем всего православного русского населения и приурочен к датам церковного календаря. Поморы лишь особо отмечали некоторые даты, связанные с их сезонными промысловыми занятиями, в том числе свой поморский Новый год.

Не логично и не правомерно признавать поморов и "титულным этносом" Архангельской обл., как того требует руководство их культурной автономии, тогда как они являются русскими, даже только частью их. Конечно, в их составе в течение многовекового развития могли оказаться и другие этнические компоненты (соседние ненцы, коми, карелы, лопари), но подобный неоднородный состав населения существует во всех областях и регионах РФ. Самоощущение поморов, а не лидеров их движения, основано не на понятии этнической принадлежности, а на их исконном понимании своеобразия среди остального русского населения Севера, кроющееся в их традиционных промысловых занятиях, от которых сейчас мало что остается. В недавно вышедшей книге В.В. Ануфриева, помора по происхождению, на основе глубокого знания разнообразных материалов и собственных знаний этой группы разработан вопрос об их историко-культурной идентичности (2008).

21 декабря 2007 г. на совещании по вопросам социально-экономического и этнокультурного развития российских поморов, проведенном Министерством регионального развития совместно с советниками Аппарата Правительства РФ, специалистами Госкомитета по рыболовству, прокурором Генеральной прокуратуры РФ, представителями органов исполнительной власти Карелии, Мурманской и Архангельской областей, национальных общественных объединений, ученых и других экспертов было разъяснено, что в действительности поморов нельзя причислить к отдельному малочисленному народу, на что есть веские основания. Поморов, по переписи 2002 г., насчитывалось 6 тыс. Права на свое социально-экономическое и культурное развитие, основанное на специфике их хозяйствования и культурных традициях, по законодательству РФ они имеют давно, как любое другое население России, живущее в условиях морских побережий. Несмотря на получение ими финансирования в определенных этим положением рамках (места и условий проживания), им трудно освоить денежные поступления на такое развитие (Материалы к совещанию... 2007). Это и не удивительно, ибо при современных технологиях и морском судоходстве вести сейчас рыболовство на основе их традиционной "морской охоты" невозможно. Правда, квоты на природопользование для личных нужд в тех же размерах, что и у других народов Севера (тоже морских жителей), они должны иметь, но лишены этого. Вместе с тем культурная жизнь – различные мероприятия, фольклорные фестивали, музейное дело и другое с соблюдением их традиций – широко развивается, как и везде в русских регионах, даже и без наличия культурной автономии.

Своим современным правовым положением поморы не удовлетворены. Точнее, это касается не самих поморов, и осознающих, и забывших о своей принадлежности к поморам, и тем более не претендующих на статус отдельного от русских народа, а верхушки Поморской национально-культурной автономии. Пример деятельности этой автономии говорит об очень опасном проявлении ее требований и претензий. Современная политика этнокультурных движений не должна сводиться к праву объявлять какую-либо административно-локальную и территориальную группу любого

уровня отдельным народом, добиваясь автономии и финансирования от центральных ведомств на ее "сохранение и развитие".

Решению вопросов об этносах, их подразделениях, о правовом, социально-экономическом их положении и культурном развитии в немалой степени может помочь этнографическое их изучение в настоящее время с привлечением накопленных и проанализированных в научных исследованиях знаний о них. Сейчас исследования населения в различных регионах ведут многие местные краеведы и энтузиасты, не обладающие профессионализмом для подобной работы. Краеведы особенно склонны утверждать, как отмечает К.К. Логинов, что у изучаемого ими населения существует во всем специфика, а поэтому оно может претендовать на особый статус с вытекающими отсюда последствиями. Но различного рода специфика существует не только у отдельных групп, а и вообще среди населения любого русского региона, области, даже у населения отдельных деревень, и сформировалась такая специфика в результате адаптации этого населения к местным условиям, к своему окружению и т.п.

Значение профессиональных этнографических обследований для познания происхождения и историко-культурного развития этносов или отдельных их групп нельзя умалать, ибо с их помощью можно ответить на такие важные вопросы, как, например, что представляет собой изучаемое население в рамках существующей этнической типологии. Об актуальности таких исследований русских в наши дни говорить нет нужды, так как по своей численности и занимаемой территории они являются самым крупным народом в России, имеют сложную этническую и социальную историю, богатейшую культуру, в изучении которых выяснено далеко не все, в том числе и наличие или исчезновение их отдельных сообществ. Чтобы правильно определить, к какому типу этих образований отнести то или иное рассматриваемое население, полезно выявить соотношение *общерусского, регионального и локального* в культурном наследии и в современном развитии как народа, так и его групп.

Этому изучению может способствовать привлечение не только этнографических источников, а и данных смежных наук – истории, археологии, диалектологии, ономастики, фольклористики, физической антропологии, психологии, касающихся того или иного населения. Комплексное применение разнообразных источников при изучении формирования этносов или отдельных их образований актуально и сейчас, поскольку в этом изучении, как уже отмечалось, остаются "белые пятна". Использование методов этнографии при исследовании этносов и их культурной истории имеет выход и на решение современных общественно-политических проблем, в том числе статуса народов, их отдельных сообществ, их места и роли в общем цивилизационном процессе. Возможно, со временем такие исследования и приведут к выработке общепринятой терминологии с ясными критериями для определения каждой из этнических категорий.

Примечания

¹ Письмо опубликовано на сайте журнала "Этнографическое обозрение" (<http://journal.iea.gas.ru>).

² Анализ народных прозвищ у различных групп населения см.: Дранникова Н.В. Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера. Архангельск: Поморский университет. 2004. С. 36–40, 79–88.

³ См. дискуссию по проблемам этничности на страницах "Этнографического обозрения" в 1990-е годы – статьи С.А. Арутюнова, В.А. Тишкова, Ю.И. Семенова, С.Е. Рыбакова, С.В. Чешко, И.Ю. Заринова и др.: ЭО. 1992. № 1; 1994. № 6; 1995. № 4, 5; 1997. № 3; 1998. № 4; 1999. № 4; 2000. № 2.

⁴ Историей уральских гамаюнов занимается преподаватель Свердловского областного педагогического колледжа В.С. Трубецкой.

⁵ О казачестве см. работы последних лет: Таболина 2008; Российское казачество 2003.

Литература

- Ануфриев* 2008 – *Ануфриев В.В.* Русские поморы. Культурно-историческая идентичность. М.: ГУП АО "Солги", 2008.
- Бернштам* 1978 – *Бернштам Т.А.* Поморы. Формирование группы и система хозяйства. Л.: Наука, 1978.
- Бернштам* 1995 – *Бернштам Т.А.* Введение // Русский Север. К проблеме локальных групп. СПб.: МАЭ РАН, 1995. С. 11–12.
- Бромлей* 1983 – *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983.
- Бузин* 2007 – *Бузин В.С.* Этнография русских: Учебное пособие. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007.
- Власова* 1984 – *Власова И.В.* К изучению этнографических групп русских (юрлинцы) // Полевые исследования Ин-та этнографии 1980–1981. М.: Наука, 1984. С. 3–11.
- Власова* 1997 – *Власова И.В.* Этнографические группы русских // Русские (сер. "Народы и культуры"). М.: Наука, 1997. С. 107–123.
- Власова* 2001a – *Власова И.В.* Этническая история и формирование населения Русского Севера // Русский Север: этническая история и народная культура. XII–XX века. М.: Наука, 2001. С. 16–36.
- Власова* 2001b – *Власова И.В.* Население центральных районов Русского Севера // Русский Север... С. 102–141.
- Власова* 2004 – *Власова И.В.* Русские // Большая Российская энциклопедия. Т. I. СПб.: Науч. изд-во "Большая российская энциклопедия", 2004.
- Власова* 2005 – *Власова И.В.* Русские // Руссика: Школьная энциклопедия. М.: Олма Медиа Групп, 2005.
- Власова* 2006 – *Власова И.В.* К изучению мировоззрения и самосознания севернорусского населения (по источникам XII–XX веков) // Мировоззрение и культура севернорусского населения. М.: Наука, 2006. С. 102–144.
- Власова* 2008 – *Власова И.В.* Этнографические группы русского народа // Русские: история и этнография. М.: АСТ: Олимп, 2008. С. 60–78.
- Заринов* 2002 – *Заринов И.Ю.* Социум – этнос – этничность – нация – национализм // ЭО. 2002. № 1. С. 3–29.
- Козлов* 1994 – *Козлов В.И.* Самосознание этническое. Субэтническая группа. Этнографическая группа // Народы России: Энциклопедия. М.: Науч. изд-во "Большая российская энциклопедия", 1994.
- Куропятник* 1999 – *Куропятник А.И.* Этнографическая группа // Нации и этносы в современном мире: Словарь-справочник. СПб.: "Петрополис", 1999.
- Логинов* 1986 – *Логинов К.К.* Являются ли "заонежане" локальной группой русских? // Сов. этнография. 1986. № 2. С. 91–95.
- Логинов* 1993 – *Логинов К.К.* Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья. СПб.: Наука, 1993.
- Логинов* 2007 – *Логинов К.К.* Русские Водлозерья как этнолокальная группа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. Вып. 4. СПб., 2007. С. 256–262.
- Малахов* 2003 – *Малахов В.С.* Валерий Тишков и методологическое обновление российского обществоведения. Цит. по: *Тишков В.А.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. С. 531–543.
- Материалы к совещанию... 2007 – Материалы к совещанию по вопросам социально-экономического и этнокультурного развития поморов (21 декабря 2007 г., Минрегион России). М., 2007.
- На путях из земли Пермской в Сибирь: Очерки этнографии севернорусского крестьянства XVII–XX вв. М.: Наука, 1989.
- Народы России 1994 – Народы России: Энциклопедия. М.: Науч. изд-во "Большая российская энциклопедия", 1994.
- Нации и этносы 1999 – Нации и этносы в современном мире: Словарь-справочник. СПб.: Петрополис, 1999.
- Российское казачество 2003 – Российское казачество: Научно-справочное издание / Ред. Т.В. Таболина. М.: Информационно-аналитический центр по казачеству, 2003.